

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Литература истории
и обличения старообрядческого
раскола в 19 столетии**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 4. С. 604-630.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Литература исторіи и обличенія старообрядческаго раскола въ XIX столѣтіи ¹⁾.

III.

ОБЗОРЪ *полемической* литературы можно начать указаніемъ, что эта часть нашего предмета была, въ нѣкоторомъ родѣ, счастливѣе, чѣмъ часть историческая. Она превосходитъ послѣднюю и по числу наиболѣе капитальныхъ сочиненій, и по сравнительному отсутствію пробѣловъ въ области разработки отдѣльныхъ вопросовъ. Подъ именемъ капитальныхъ сочиненій здѣсь разумѣются, впрочемъ, не всегда сочиненія въ собственномъ смыслѣ ученія, которыхъ по полемикѣ противъ раскола даже меньше, чѣмъ по исторіи его. Для полемики противъ раскола могли съ громаднымъ успѣхомъ трудиться лица даже совсѣмъ не получившія систематическаго образованія и замѣчательные труды такихъ лицъ мы дѣйствительно имѣемъ. Затѣмъ, подготовленная въ нѣкоторой мѣрѣ трудами XVII и XVIII столѣтій, полемика и съ научной стороны заявила о себѣ ранѣе, чѣмъ исторія раскола. Къ сожалѣнію труды нѣкоторыхъ полемистовъ въ свое время не были напечатаны и потому не имѣли вліянія на ростъ этой стороны расколовѣдѣнія.

1. Имѣя въ виду собственно одни лишь печатные труды въ области полемики противъ раскола, назовемъ, прежде всего, тѣ изъ нихъ, которые представляють цѣлую систему предмета, хотя бы и въ видѣ лишь сыраго матеріала.

Сводъ матеріала по обличенію раскола даютъ «Выписки

¹⁾ См. январскую книжку „Христ. Чтенія“.

изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ», сдѣланныя московскимъ купцомъ *А. Озерскимъ*. Какъ значитса въ заглавіи, книга эта содержитъ однѣ только буквальные выписки изъ разныхъ памятниковъ древности, но все же онѣ приведены здѣсь въ извѣстную систему и порядокъ. Прежде всего книга раздѣляется на двѣ части, изъ которой въ первой содержатся выписки по вопросамъ догматическимъ, во второй—по вопросамъ обрядовымъ. Затѣмъ, каждая часть разграничена на отдѣлы и кромѣ того имѣетъ еще прибавленія. Такимъ образомъ въ первой части находятся отдѣлы о церкви, о епископской власти, о таинствахъ, объ антихристѣ. Во второй—о неисправностяхъ въ старопечатныхъ книгахъ, объ имени «Иисусъ», о формѣ креста Христова, о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія, о поклонахъ. Вообще, по обилію собраннаго матеріала «Выписки» для каждаго занимающагося полемикою съ расколомъ являются настольною книгою, тѣмъ болѣе цѣнною, что большинство подлинныхъ «книгъ», изъ коихъ заимствованы выписки, существуютъ лишь въ рѣдкихъ книгохранилищахъ, иногда даже въ единственномъ экземплярѣ. Вотъ какую громадную услугу могъ оказать полемикѣ съ расколомъ человекъ, хорошо знавшій раскольническія мнѣнія и начитанный въ древне-русской письменности, хотя и не получившій систематическаго образованія. Впрочемъ, не все, что имѣется теперь въ «Выпискахъ», сдѣлано самимъ Озерскимъ. Первымъ издателемъ ихъ былъ почетный гражданинъ *А. Хлудовъ*, шурина *А. Озерскаго*, которому послѣдній завѣщалъ ихъ вмѣстѣ съ своей бібліотекой. Изданныя въ 1862 г. въ двухъ роскошныхъ по внѣшности томахъ, «Выписки» были распространяемы безмездно, и когда изданіе все разошлось, право печатать ихъ вновь перешло къ московскому противораскольническому братству св. Петра митрополита. Трудями членовъ братства, особенно іеромонаха *Филарета*, книга была значительно дополнена въ количествѣ выписокъ и цитатъ и выдержала еще три изданія,—одно на средства братства (1879 г.) и два на средства Св. Синода (1883 и 1888 гг.).

Въ 1854 г. была издана книга митрополита С.-Петербургскаго *Григорія* «Истинно-древняя и истинно-православная церковь Христова». Вызванное въ свѣтъ, какъ было уже сказано выше, открытіемъ миссіонерскихъ отдѣленій при духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, сочиненіе это еще при

жизни автора († 1860 г.) выдержало 4-ре дополненныхъ изданія. Раздѣляется оно на двѣ части: полемическую, въ которой трактуется о церкви и таинствахъ примѣнительно къ ученію поповцевъ и безпоповцевъ, и апологетическую, въ которой содержится разсмотрѣніе общихъ всѣмъ раскольникамъ обвиненій на православную церковь. Выходя изъ того, безусловно вѣрнаго, положенія, что главная причина отпаденія русскихъ людей въ расколъ и особенно закоснѣнія въ отпаденіи состоятъ въ неимѣннѣи точнаго понятія о созданной Иисусомъ Христомъ на землѣ церкви, авторъ полагаетъ выясненіе этого понятія во главу угла. Поповцы думаютъ о церкви, что она можетъ правильно существовать и не въ томъ видѣ, въ какомъ создалъ ее Господь, и потому, хотя и не имѣютъ епископа, считаютъ, однако же, свою общину церковію, довольствуясь при церковныхъ службахъ только попами. Безпоповцы мечтаютъ, что созданная Господомъ церковь уже рушилась, и что въ томъ видѣ, въ какомъ создалъ ее Господь, нынѣ она нигдѣ не существуетъ и существовать не можетъ. «Что же должно сдѣлать, чтобы всѣ отпадшіе вѣрно узнали созданную Господомъ церковь? Для сего, — говоритъ преосвященный Григорій, — безъ сомнѣнія, должно дать о созданной Господомъ церкви такое свѣдѣніе, которое было бы совершенно ясно и вполне удовлетворительно для всѣхъ праводушныхъ». — Какъ же приобрѣсть такое свѣдѣніе? — «Надежно приобрѣтемъ, — продолжаетъ преосвященный Григорій, — ежели совершенно основательно и обстоятельно разсмотримъ обѣтованіе Господа о своей церкви: *На камени созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей.* Т. е. ежели при разсмотрѣннн сего Господня обѣтованія не упустимъ безъ вниманія ничего, что въ разныхъ отношеніяхъ сказано о семъ обѣтованіи въ болѣе или менѣе важныхъ источникахъ, заключающихъ въ себѣ христіанскія истины, или ихъ объясненія, опредѣленія, доказательства». При этомъ авторъ оговаривается, что онъ пользуется этими источниками только по тѣмъ ихъ изданіямъ, которыя уважаются старообрядцами и имѣютъ для нихъ полный авторитетъ, т. е. по изданіямъ до-никоновскимъ. Даже текстъ Библии онъ приводитъ по острожскому изданію 1581 года, за исключеніемъ Евангелія и Апостола, потому что эти священныя книги были изданы еще и при патріархѣ Іосифѣ и эти изданія уважаются раскольниками преимущественно. Всѣ эти изданія,

съ точнымъ обозначеніемъ ихъ года и мѣста, авторъ перечисляетъ въ примѣчаніи своего вступленія къ сочиненію. Здѣсь же онъ называетъ и рукописные памятники, не исключая и тѣхъ, которые необходимы собственно для ознакомленія съ вѣроученіемъ самихъ раскольниковъ. Во второй части апологетъ защищаетъ православную церковь отъ взводимыхъ на нее раскольниками обвиненій въ отступленіи отъ православія, что она, будто бы, проповѣдуетъ со времени патріарха Никона новую вѣру, до Никона не знаемую, что древній чинъ церковный и весь уставъ нарушила, что книги церковныя перепечатала на свой разумъ, развращенно, а обряды употребляетъ еретическіе. И здѣсь тѣже, вполне научные, приемы разсмотрѣнія вопросовъ, и та же авторитетность доказательствъ. Вообще можно сказать, что съ выходомъ въ свѣтъ разсматриваемаго сочиненія возникла *наука* противораскольнической полемики, хотя по ясности и простотѣ своего изложенія оно вполне оказалось доступнымъ и для обыкновеннаго читателя.

Чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти митрополита Григорія церковь приобрѣла себѣ новаго защитника противъ раскола въ лицѣ инока *Павла*, именуемаго *Прусскимъ*, впоследствии архимандрита и настоятеля Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ,—сочиненія котораго составляютъ особенно замѣчательный памятникъ противораскольнической полемики. Родомъ изъ Сызрани, онъ прежде былъ послѣдователемъ едосѣвства. Одно время жилъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, а потомъ уѣхалъ въ Пруссію, съ цѣлью завести тамъ безпоповщинскую обитель. Ревнуя о славѣ раскола, Павелъ, при содѣйствіи своего единомышленника нѣкоего Голубева, завелъ въ Иоганнисбергъ типографію, чтобы печатать книжки въ пользу раскола. Но не это угодно было волѣ Божіей. Внимательное изслѣдованіе ученія раскола мало-по-малу убѣдило Павла въ неистинности послѣдняго, и въ 1868 году онъ присоединился къ единовѣрью. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе болѣе 25 лѣтъ, онъ неустанно трудился на поприщѣ вразумленія раскола и устно, и письменно. По мѣрѣ составленія, письменные труды о. Павла печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а потомъ отсюда были извлечены въ отдѣльныя изданія. Въ полемикѣ съ расколомъ они имѣютъ весьма важное значеніе. Какъ было сказано, авторъ большую часть своей жизни провелъ среди расколь-

никовъ, въ качествѣ уважаемаго наставника былъ посвященъ во всѣ тайны своеобразныхъ доктринъ и самозащиты глаголемыхъ старообрядцевъ, но въ то же время былъ старообрядцемъ безпристрастнымъ, ищущимъ одной истины, испытующимъ всякое ученіе, а потому, вмѣстѣ съ основательнымъ знаніемъ раскола, его жизни и его ученій, онъ вынесъ изъ раскола и цѣлую систему основательныхъ опроверженій всѣхъ раскольническихъ заблужденій, приобрѣтя это стяжаніе именно непосредственно изъ жизни, а не только изъ книгъ и тѣмъ болѣе не изъ вторыхъ рукъ,—и затѣмъ, когда перешелъ въ православіе, всецѣло посвятилъ себя неутомимому и безкорыстному служенію церкви путемъ полемики съ расколомъ. Вслѣдствіе этого сочиненія о. Павла, по богатству разнообразнаго матеріала, представляютъ цѣлую, такъ сказать, энциклопедію полемики съ расколомъ, при томъ такую, которая знакомитъ съ живою, насущною стороною раскольнической пропаганды. Доказательства автора сильны, языкъ его сочиненій простой. Изложены они не въ одинаковой формѣ,—то въ формѣ собесѣдованій, то въ формѣ писемъ, отвѣтовъ, статей, то въ формѣ словъ и поученій. Главный предметъ сочиненій о. Павла—Церковь Христова въ ея вѣчномъ существованіи съ полнотою богоустановленныхъ таинствъ и священныхъ чиновъ. Авторъ справедливо полагаетъ, что вся полемика съ расколомъ должна вращаться около этого предмета. Весь расколъ содержитъ такъ называемые старые обряды и однако онъ раздѣлился на множество непримиримыхъ толковъ. Отчего это? Оттого, что есть вопросы помимо вопросовъ о «старыхъ» и «новыхъ» обрядахъ. Самъ о. Павелъ началъ съ этого же вопроса. Въ своихъ сочиненіяхъ о. Павелъ показываетъ и то, гдѣ находится вѣчная, дающая спасеніе, Церковь Христова. Истинная Церковь есть церковь греко-россійская. Въ качествѣ доказательства авторъ указываетъ два признака,—формальный, заключающійся въ томъ, что греко-россійская церковь не осуждена соборами, и матеріальный, заключающійся въ томъ, что она не содержитъ ересей. Съ этой точки зрѣнія о. Павелъ разсматриваетъ всѣ вопросы, касающіеся церковныхъ обрядовъ. Онъ не вдается въ историческія изслѣдованія относительно древности того или другого обряда: онъ повсюду задается однимъ вопросомъ—содержится ли какая-либо ересь въ томъ или другомъ обрядѣ и потому вездѣ заключаетъ, что греко-россійская цер-

ковъ есть истинная Христова Церковь. Сочиненія архимандрита Павла представляютъ то неудобство, что въ нихъ нѣтъ системы, даже отдѣльныя бесѣды нерѣдко не имѣютъ единства. Въ виду этого, для облегченія пользованія, въ послѣднихъ изданіяхъ сочиненій приложенъ «указатель». Собранныя въ двухъ томахъ, сочиненія о. архимандрита Павла имѣли четыре изданія; послѣднее изъ нихъ относится къ 1883 году; затѣмъ въ 1888 году явился особо отпечатанный третій томъ; наконецъ, послѣ смерти о. Павла († 1895 г.) братствомъ св. Петра митрополита, въ которомъ онъ былъ членомъ совѣта и потомъ предсѣдателемъ и которому завѣщать свои сочиненія, предпринято новое ихъ изданіе въ полномъ собраніи, объемомъ въ пяти томахъ. Исправленіе сочиненій о. Павла со стороны «грамматики», восполненіе примѣчаніями и вообще редактированіе принадлежитъ глубокому почитателю покойнаго и многолѣтнему его соработнику проф. Н. И. Субботину.

Въ заключеніе перваго отдѣла книгъ полемическаго характера остается назвать нѣкоторыя руководства по обличенію раскола. Появленіе ихъ вызвано было открытіемъ штатныхъ кафедръ въ духовныхъ семинаріяхъ, послѣдовавшимъ въ 1886—1888 годахъ. Первой здѣсь потребности удовлетворило, съ знаніемъ дѣла составленное, «Руководство» *Н. И. Иванова*, профессора Казанской духовной академіи, вышедшее въ свѣтъ въ 1887 году. Затѣмъ было нѣсколько переработанныхъ изданій «Руководства» преподавателя Олонецкой духовной семинаріи *К. Плотникова*, которое имѣетъ цѣлью отвѣтить собственно существующей нынѣ семинарской программѣ предмета.

Есть еще «Краткое руководство къ собесѣдованію съ старообрядцами» протоіерея *С. Кашменскаго*. Состоя главнымъ миссіонеромъ Вятской епархіи, о. Кашменскій открылъ въ 1875 году школу для приготовленія православныхъ крестьянъ къ собесѣдованію съ старообрядцами о предметахъ вѣры по стариннымъ книгамъ, тѣхъ грамотныхъ православныхъ крестьянъ, которые живутъ въ сильно зараженныхъ расколомъ приходяхъ. И чтобы облегчить занятіе въ школѣ и дать возможность учащимся и дома правильнѣе повторять вычитанное въ старинныхъ книгахъ, онъ напечаталъ небольшую справочную книжку подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Раздѣляется это «Руководство» на три части,—кромѣ введенія,—и изло-

жено въ формѣ вопросовъ и краткихъ отвѣтовъ. Напечатано въ первый разъ въ 1878 году.

2, Обращаясь къ специальнымъ сочиненіямъ по разнымъ вопросамъ противораскольнической полемики, остановимся сначала на вопросахъ догматическихъ.

а) Извѣстно, сколь важное значеніе въ исторіи раскола имѣла раскольническая доктрина о воцареніи въ грекороссійской церкви антихриста. Мысль явилась при самомъ возникновеніи раскола и еще въ первое время существованія послѣдняго порождала въ немъ сильныя волненія, разрѣшаясь послѣдствіями даже и совсѣмъ чрезвычайными. Впослѣдствіи эта мысль постепенно стала достояніемъ собственно безпоповщины и всецѣло легла въ основу ея ученія. Съ одной стороны ученіе о воцареніи антихриста служить оправданіемъ собственнаго устройства безпоповщинской общины, съ другой—безпоповщина находитъ въ немъ основаніе и для взгляда своего на церковь православную. Поэтому неудивительно, если въ полемической литературѣ есть и ученые труды, посвященные этому предмету, и просто сборники святоотеческихъ словъ объ антихристѣ, есть даже писанія раскольническихъ начетчиковъ, лишь впослѣдствіи оставившихъ расколъ.

Въ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ «Книгу объ антихристѣ» нѣкоего *Е. Г. Перевощикова*, бывшаго безпоповца спасова толка, а потомъ единовѣрца. Написана эта «книга» въ началѣ 50-хъ годовъ, когда составитель ея находился еще въ отчужденіи отъ церкви, а въ 1873 году была напечатана въ Казани, подъ редакціей проф. Н. Ивановскаго, отдѣльными оттисками изъ «Православнаго Собесѣдника». Одаренный отъ природы незауряднымъ умомъ, Перевощиковъ владѣлъ и большою начитанностію не только въ старопечатныхъ книгахъ, но и вообще въ древней русской письменности. Этому особенно способствовали его служба корректоромъ единовѣрческой типографіи и потомъ торговля книгами. Перевощиковъ былъ знакомъ многимъ ученымъ людямъ, напримѣръ—Погодину и Ундольскому въ Москвѣ, профессорамъ Григоровичу и Добротворскому въ Казани, а въ пріѣздъ въ Петербургъ былъ представленъ графу А. П. Толстому, тогдашнему оберъ-прокурору Синода, и царскому духовнику о. В. Б. Бажанову. Его читали даже сами раскольники и это помогло ему воздѣйствовать

на образованіе нѣсколькихъ единовѣрческихъ приходовъ и на обращеніе въ единовѣрческій одного раскольниковскаго монастыря. Все это было слѣдствіемъ того, что Перевощиковъ былъ, повторяемъ, человекъ умный и большой книжный знатокъ. Поэтому неудивительно, если онъ еще такъ рано написалъ столь дѣльный трактатъ объ антихристѣ, который впоследствии съ пользою могъ быть изданъ и въ печати. Будучи безпристрастнымъ искателемъ истины, Перевощиковъ убѣдился въ ложности безпоповщинскаго ученія объ антихристѣ еще въ то время, когда самъ былъ безпоповцемъ. Собственно имъ было составлено двѣ «Книги объ антихристѣ»,—одна представляла собраніе только текстовъ изъ разныхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ, въ другой текстъ были сопровождаемы собственными разсужденіями и объясненіями составителя. Эта-то послѣдняя, раздѣляющаяся на семнадцать главъ, съ предисловіемъ въ началѣ и надсловіемъ въ концѣ, и напечатана въ Казани. Этой книгой воспользовались для полемики противъ безпоповцевъ даже и поповцы. Разумѣемъ первую «главу» втораго «отдѣла» изданной за границей въ 1885 году извѣстнымъ поповщинскимъ апологетомъ Онисимомъ Швецовымъ книги «Истинность старообрядствующей іерархіи». Эта глава трактуетъ объ антихристѣ и представляетъ не что иное, какъ сокращеніе разсматриваемой «книги» Перевощикова. Швецовъ остановился на вопросахъ лишь болѣе важныхъ, причемъ въ однихъ случаяхъ нѣсколько «главъ» своего источника соединилъ въ одной рубрикѣ, въ другихъ, наоборотъ, содержаніе одной «главы» подлинника расчленилъ въ нѣсколькихъ рубрикахъ. Въ печати существуетъ еще «Указатель объ антихристѣ», представляющій сборникъ цитатъ по этому вопросу. Это—трудъ того же Е. Г. Перевощикова, который онъ постоянно носилъ при себѣ для справокъ, на случай бесѣды съ раскольниками. Книга эта напечатана во Псковѣ, въ 1881 году, при издававшейся тамъ о. Голубевымъ «Истинѣ», уже по смерти Перевощикова, и почему-то съ именемъ кунгурскаго миссіонера о. Луканина. Тому же о. Голубеву были переданы для напечатанія нѣкоторыя другія писанія Перевощикова, но за смертію издателя «Истины» напечатаны не были. Перевощиковъ умеръ 23 мая 1876 года.

Позднѣе книги Перевощикова написано, но ранѣе было напечатано сочиненіе покойнаго профессора С.-Петербургской

духовной академіи *И. Θ. Нильскаго* «Объ антихристѣ, противъ раскольниковъ», тогда еще молодого бакалавра академіи. Оно вышло въ свѣтъ въ 1859 году и по разсматриваемому имъ предмету было собственно первымъ обстоятельнымъ опытомъ ученаго характера. Достоинства теоретико-полемической части книги не отрицала и современная критика, въ лицѣ извѣстнаго въ литературѣ по расколу проф. *И. Добротворскаго*, вообще встрѣтившая этотъ трудъ довольно неблагоклонно. Съ одной стороны указывали на полноту изслѣдованія предмета, въ полемической части, на обиліе матеріала этого рода и на умѣнье пользоваться имъ, съ другой — на скудость свѣдѣній историческихъ, на натяжки и слабость въ доказательствахъ, даже на рѣзкость тона и неприспособленность языка къ пониманію раскольниковъ. Недостатокъ матеріала для освѣщенія вопроса съ исторической стороны признавалъ, въ своей книгѣ и самъ ея авторъ. Теперь это сочиненіе, кромѣ того, значительно уже и устарѣло. Ученыя розысканія показали, между прочимъ, что нѣкоторыя его страницы написаны просто по недоразумѣнію. Тѣмъ не менѣе оно и доселѣ еще не утратило нѣкоторой доли своего значенія. Цѣну книгѣ сообщаетъ то, что при изложеніи раскольническаго ученія и при опроверженіи его авторъ стоитъ на твердой почвѣ отвѣчающихъ своей научной и практической цѣли первоисточниковъ. Все изслѣдованіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой говорится о лицѣ антихриста, его рожденіи и продолжительности царствованія, во второй — дается разборъ раскольническаго ученія, что антихристъ будто бы уже царствуетъ въ мірѣ. Въ новомъ изданіи этого сочиненія, сдѣланномъ книгопродавцемъ *Перевозниковымъ* въ 1899 году, приложена статья *Нильскаго* изъ «Христіанскаго Чтенія» за 1889 годъ: «Какъ учили объ антихристѣ первые расколуучители», — отчасти восполняющая пробѣлъ въ исторической части сочиненія.

Весьма важную услугу для разработки вопроса объ антихристѣ и для полемики собственно противъ раскола по этому предмету оказало изданное въ 1868 году ученымъ *К. И. Невоструевымъ* «Слово св. Ипполита объ антихристѣ» въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка, найденному издателемъ среди рукописей московскаго Чудова монастыря. Предпринятое по благословенію и на средства московскаго митрополита *Филарета*, изданіе этой книги, закончившееся уже

по смерти этого святителя, имѣло главною своею цѣлью показать, что «Слово объ антихристѣ» въ названной рукописи XII вѣка есть подлинное, несомнѣнно принадлежащее св. Ипполиту, епископу и мученику III-го вѣка, и что, затѣмъ, по своему характеру и содержанію оно рѣшительно отличается отъ уважаемаго глаголемыми старообрядцами «Слова о скончаніи міра и о антихристѣхъ», напечатаннаго при патриархѣ Іосифѣ въ книгѣ «Сборникъ» въ 1647 году подъ именемъ Ипполита, папы римскаго, но на самомъ дѣлѣ св. Ипполиту римскому не принадлежащаго. Эту цѣль главною изданіе имѣло потому, что помѣщенное въ «Сборникѣ» слово служить однимъ изъ важнѣйшихъ основаній принятаго въ расколѣ и доселѣ содержаемаго преимущественно безпоповцами ученія о начавшемся уже въ грекороссійской церкви царствованіи антихриста. Ученый издатель не ограничился напечатаніемъ текста подлиннаго слова по найденному славянскому переводу; къ нему онъ присоединилъ греческій текстъ и переводъ съ этого послѣдняго на современный русскій языкъ; далѣе, въ приложеніяхъ, онъ перепечаталъ слово изъ «Сборника» для удобнѣйшаго сличенія его съ подлиннымъ словомъ св. Ипполита, а также помѣстилъ нѣкоторыя выписки изъ отеческихъ толкованій на тѣ мѣста пророческихъ книгъ, которыя въ неподлинномъ словѣ объясняются неправильно; кромѣ того изданіе имѣетъ обширное ученое введеніе и снабжено многочисленными учеными примѣчаніями. Въ 1882 году изданіе Новоструева было повторено на средства московскаго братства св. Петра митрополита, въ собственность котораго оно поступило по смерти своего издателя, но не въ цѣломъ видѣ. Это второе изданіе назначалось преимущественно для старообрядцевъ, и потому здѣсь признано было достаточнымъ напечатать только подлинный славянскій текстъ слова св. Ипполита по чудовскому списку совмѣстно съ переводомъ русскимъ, необходимымъ для удобнѣйшаго разумѣнія славянскаго текста, не вездѣ достаточно яснаго; ученныя же примѣчанія перваго изданія здѣсь опущены. Любопытно, что списокъ подлиннаго слова св. Ипполита находился и въ знаменитой библіотекѣ Выговской пустыни. Откуда и какъ онъ попалъ туда, неизвѣстно, но существовалъ тамъ еще во времена извѣстнаго выговскаго киновіарха Андрея Денисова, который сравнивалъ эту рукопись съ неподлиннымъ словомъ и на поляхъ отмѣтилъ ея несогласіе съ послѣднимъ. По

выходѣ въ свѣтъ изданія Невоструева на эту рукопись обратилъ вниманіе Аркадій, архіепископъ олонецкій, въ одномъ изъ писемъ—отъ 1869 года—къ о. Мегорскому.

Наиболѣе подробное изложеніе основаній православнаго ученія объ антихристѣ совмѣстно съ критическимъ обзоромъ ученій неправославныхъ сдѣлано въ новѣйшемъ сочиненіи профессора московской духовной академіи *А. Д. Буляева*—подъ заглавіемъ «О безбожии и антихристѣ» (1898 г.). Безпоповщинскаго ученія авторъ касается отчасти и не какъ специалистъ, но важно не это. Важно собственно то, что полемистъ противъ раскола можетъ извлечь изъ разсматриваемаго сочиненія весьма много цѣннаго и для своихъ цѣлей, если возьмется за дѣло, конечно, умѣлою рукою. Особенно цѣнны здѣсь отдѣлы о происхожденіи антихриста, о времени наступленія царствованія антихриста и о продолжительности онаго; съ большою подробностію изложены еще отдѣлы о седминахъ и о мерзости запустѣнія. По полнотѣ и ученой обработкѣ—это лучшее нынѣ по этимъ вопросамъ справочное руководство—для осторожнаго полемиста. По объему сочиненіе очень обширное; содержаніе его авторъ формулируетъ въ 105 положеніяхъ. Писано на ученую степень доктора богословія.

б) Какъ было сказано выше, ученіе объ антихристѣ лежитъ въ основѣ церковнаго устройства безпоповщинской общины. Оно нужно безпоповцамъ для объясненія и оправданія ихъ безіерархическаго состоянія. Церковь, по мнѣнію безпоповцевъ, теперь лишилась своего первоначальнаго устройства,—нѣтъ священной іерархіи, нѣтъ и таинствъ, все истреблено антихристомъ. Отсюда, послѣ вопроса объ антихристѣ, является вопросъ о церкви, который и составляетъ собственно главный пунктъ въ полемикѣ съ безпоповщиной.

Есть капитальное сочиненіе проф. *Н. И. Ивановскаго*—«Критическій разборъ ученія неприемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ». Оно вышло въ свѣтъ въ 1883 году въ качествѣ диссертации на ученую степень доктора богословія, каковой казанская духовная академія тогда же и удостоила автора. Полнота обслѣдуемаго предмета и умѣнье соединить требованія науки съ его характеромъ сообщаютъ этой книгѣ полную цѣнность, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и шести главъ. Въ введеніи выясняется важность

ученія о церкви вообще и по отношенію къ безпоповцамъ въ частности. «Въ ряду православно-христіанскихъ догматовъ ученіе о церкви и таинствахъ имѣеть особое значеніе. Всѣ другіе догматы имѣють значеніе отвлеченнаго исповѣданія вѣры, ложное пониманіе котораго составляетъ ересь. Ученіе о церкви имѣеть вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, и значеніе *практическое*. Т. е. заблуждается не только тотъ, кто неправильно это ученіе исповѣдуетъ, но и тотъ, кто на дѣлѣ церкви не повинуется, или церкви не принадлежитъ». Такое высокое значеніе церковь имѣеть потому, что она есть столпъ истины и источникъ нашего освященія, такъ что только въ ней и чрезъ нее совершается приложеніе совершеннаго Іисусомъ Христомъ дѣла искупленія. «Для безпоповца-старообрядца ученіе о церкви и таинствахъ имѣеть особый, исключительный смыслъ. Ни одинъ пунктъ изъ области христіанской догматики не подвергается ими какому-либо измѣненію, или неправославному истолкованію, почему церковь и не усваиваетъ имъ названія еретиковъ, а именуетъ раскольниками. Но ученіе о церкви нарушается ими прежде всего *практически*; это значитъ, что общество безпоповцевъ, само не составляя церкви, находится въ отдаленіи отъ нея. Затѣмъ во многихъ отношеніяхъ они содержатъ здѣсь и своеобразныя доктрины, противныя и слову Божію и древнему благочестивому ученію. Такимъ образомъ вопросъ о церкви и таинствахъ представляетъ самый существенный для безпоповца вопросъ». «Одинъ этотъ вопросъ, разобранный во всѣхъ его частностяхъ, въ состояніи довести безпоповца до полнаго и твердаго убѣжденія въ гибельности своего положенія и привести къ единенію съ православною церковью». Выяснивъ значеніе вопроса о церкви, авторъ раскрываетъ, затѣмъ, существенный характеръ старообрядческаго раскола и подходитъ этимъ путемъ къ опредѣленію источниковъ своего изслѣдованія и способа пользованія ими. Въ первой главѣ сочиненія содержится разборъ ученія безпоповцевъ о церкви. Примѣнительно къ безпоповщинскимъ положеніямъ авторъ трактуетъ о разнообразіи значеній слова «церковь», такъ какъ безпоповцы злоупотребляютъ этимъ разнообразіемъ, прилагая къ церкви, исповѣдуемой въ символѣ вѣры, о которой собственно и должна быть рѣчь въ полемикѣ съ безпоповцами, то одно значеніе этого слова, то другое, по мѣрѣ своей надобности,—о вѣчности церковной іерархіи, такъ какъ безпоповцы признають воз-

можнымъ существованіе церкви безъ священныхъ чиновъ, причеиъ разбираетъ безпоповщинское ученіе—что обѣтованія Господни о вѣчности церкви имѣютъ, будто бы, условный смыслъ, что во времена антихриста таинственное священство должно прекратиться, что вѣчно пребудетъ только духовное священство, заключающееся въ каждомъ христіанинѣ,—наконецъ о томъ, что ссылка безпоповцевъ на жизнь нѣкоторыхъ изъ православныхъ священниковъ, недостойную ихъ сана, и на ихъ мнимое еретичество совсѣиъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о правильности собственнаго положенія безпоповщинской общины. Съ такою же подробностью въ слѣдующихъ пяти главахъ разобрано ученіе безпоповцевъ о таинствахъ, причеиъ въ главу о крещеніи вошелъ и вопросъ о перекрещиваніи, разсматриваемый съ полемической и апологетической сторонъ, а къ главѣ о покаяніи присоединена глава объ епитиміяхъ. При разсмотрѣніи въ заключительной главѣ о таинствѣ брака полемистъ выходитъ изъ того положенія, что это есть внутреній вопросъ въ безпоповщинѣ. Отсюда содержаніе главы исчерпывается указаніемъ причинъ появленія этого вопроса и характера и способа его разрѣшенія, при соиутствіи, конечно, критической оцѣнки. Наконецъ относительно таинствъ мвропомазанія и елеопомазанія полемистъ не вводитъ въ подробныя разъясненія, такъ какъ разсужденіями о нихъ не занимаются и сами безпоповцы, порѣшивъ, что это не суть «потребно-нужныя во спасеніе» таинства.

в) По обличенію поповщины нѣтъ такого цѣлостнаго труда, каковъ предыдущій. Но зато здѣсь можно назвать нѣсколько опытовъ разбора отдѣльныхъ поповщинскихъ сочиненій. Хотя эти сочиненія написаны поповцами собственно австрійскаго согласія, но они относятся одинаково и бѣглопоповщинѣ. Австрійская поповщина связана съ бѣглопоповщиной и исторически, какъ изъ нея выродившаяся, и по существу, какъ на ея началахъ основавшаяся. Отсюда апологеты австрійскаго согласія вынуждены защищать и бѣглопоповщину, конечно разумѣя ея существованіе лишь въ прошедшемъ, хотя сами бѣглопоповцы не имѣя такой нужды, отвергаютъ австрійщину и обличаютъ ея несостоятельность.

Есть «Разборъ изданной Онисимомъ Швецовымъ книги: *Истинность старообрядствующей іерархіи*». Швецовъ—видный современный апологетъ раскола, нынѣ именуемый епи-

скопъ Арсеній. Названная его книга напечатана въ 1885 г. за границей. Затѣмъ есть «Замѣчанія на книгу Перетрухина: *Мечъ духовный*». Климентъ Перетрухинъ—также пользующійся извѣстностью книжный защитникъ австрійскаго согласія, бывший секретарь московскаго раскольниковскаго Духовнаго Совѣта. «Мечъ духовный» напечатанъ имъ въ 1886 году въ одной изъ подпольныхъ раскольниковскихъ типографій. Есть еще «Разсмотрѣніе книги попа Механикова: *Историко-каноническое обозрѣніе старообрядческаго общества*». В. Механиковъ—новѣйшій писатель бойкаго пера и несвойственныхъ раскольниковскимъ сочиненіямъ приемовъ. Разборъ книги Швецова былъ помѣщенъ въ «Миссіонерскомъ Сборникѣ» за 1893 и 1894 годы. Разборъ же сочиненій Перетрухина и Механикова существуетъ въ отдѣльныхъ оттискахъ изъ «Братскаго Слова» за 1890 и 1895 годы и составленъ сотрудникомъ этого журнала *Е. А. Антоновымъ*, подъ редакціей профес. Н. И. Субботина. Опять это—самородокъ на нивѣ полемики противъ раскола, достаточно уже потрудившійся чтобы стать непосредственно за подобными ему. Родиной изъ Тверской губерніи, сынъ православныхъ родителей, Антоновъ, когда былъ увлеченъ въ расколъ, состоялъ писцомъ для списыванія книгъ въ канцеляріи раскольниковскаго архіепископа Антонія, въ Москвѣ. Тутъ онъ имѣлъ возможность близко присмотрѣться къ положенію раскола и къ его главнѣйшимъ дѣятелямъ и защитникамъ, и это побудило его возвратиться въ ограду церкви. Возвратился онъ сюда съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и о раскольниковскихъ апологетическихъ писаніяхъ вообще, и о слабыхъ сторонахъ писаній собственно новѣйшихъ, особенно превозносимыхъ раскольниками, и потому, поселившись въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, сталъ составлять, первоначально подъ руководствомъ извѣстнаго архимандрита Павла, опроверженія противъ раскола, не пропуская ни одного болѣе заслуживающаго вниманія вновь появляющагося сочиненія въ защиту послѣдняго.

Примѣнительно къ положеніямъ и доказательствамъ вышеназванныхъ новѣйшихъ поповщинскихъ сочиненій трактуетъ о своемъ предметѣ и брошюра *И. М. Громогласова*—«Къ вопросу о раскольниковской бѣлокриницкой іерархіи съ канонической точки зрѣнія» (1895 г.). Это—пробная лекція въ московской духовной академіи.

г) Православная полемика противъ поповщины и безо-

повщины обратила вниманіе еще на внутреннюю полемику въ самомъ расколѣ, т. е. между поповщиною и безпоповщиною. Въ ряду условій цѣлесообразной постановки полемики это можетъ быть отмѣчено, нѣтъ сомнѣній, на весьма видномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіяхъ взаимной между собою полемики поповцы и безпоповцы, изобличая другъ друга, невольно становятся на сторону православной истины, то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ послѣдней. Напримѣръ, поповецъ, возражая безпоповцу, выступаетъ защитникомъ православнаго ученія о необходимости и непрекращаемости священства въ церкви Христовой, а безпоповецъ, возражая поповцу, является проповѣдникомъ православнаго ученія о томъ, что истинное священство имѣетъ три чина іерархіи и что оно не можетъ быть заимствуемо отъ нѣ, изъ обществъ еретическихъ. Если же такъ, т. е. если для православной полемики возможно показать послѣдователямъ раскола, какъ расколъ самъ защищаетъ, по частямъ, ту истину, которую въ борьбѣ съ церковію опровергаетъ, и наоборотъ, по частямъ же, опровергаетъ то, что въ этой послѣдней защищаетъ, то, конечно, въ интересахъ полемики воспользоваться этимъ. Отсюда, примѣненіе этого приема мы находимъ отчасти уже и въ вышеприведенныхъ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ. Полнѣе же это достигнуто чрезъ изданіе самыхъ памятниковъ раскольнической письменности этого рода, особенно съ соответствующимъ разборомъ ихъ. Съ такою именно цѣлью братствомъ св. Петра митрополита издано извѣстное поповщинское сочиненіе послѣдней четверти XVIII вѣка — «Отвѣты Пешехонова на вопросы безпоповцевъ», съ замѣчаніями о. архимандрита Павла (1888 г.). Въ этихъ замѣчаніяхъ раскрывается, какъ побѣдоносно опровергаетъ поповецъ безпоповцевъ, рассуждая какъ православный, и какъ, напротивъ, доказательства его становятся слабыми, когда ему приходится отвѣчать на безпоповщинскія возраженія, поставленныя согласно православной истинѣ. Были и другія въ подобномъ родѣ изданія.

3. Обращаясь къ полемическимъ сочиненіямъ по обрядовымъ вопросамъ, можемъ раздѣлить ихъ на два разряда. Въ большинствѣ они ограничиваются отдѣльными вопросами и лишь нѣкоторыя даютъ обслѣдованіе извѣстной совокупности послѣднихъ. Цѣнны — научною постановкою своего предмета и значительно обязаны ею ученымъ розысканіямъ въ области

другихъ наукъ. Объясняется это тѣмъ, что съ своей исторической стороны эти вопросы представляютъ большой интересъ и для изслѣдователей христіанской древности вообще, историковъ и археологовъ. Отсюда и въ примѣненіи собственно къ полемикѣ съ расколомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ трудами лицъ совсѣмъ не спеціальнаго расколовѣдѣнія.

а) Остановимся сначала на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія, обнимающихъ совокупность нѣсколькихъ вопросовъ разногласія между православіемъ и расколомъ.

Еще въ 1835 году вышли въ свѣтъ «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу», — знаменитая книга знаменитаго іерарха *Филарета*, митрополита московскаго. Сознвая важность письменной полемики для вразумленія послѣдователей раскола и въ то же время видя неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ полемическихъ сочиненій своего времени, святитель взялся за перо не взирая на массу другихъ своихъ неотсрочныхъ дѣлъ, но взялся съ большою осторожностью: Чтобы полемическое сочиненіе могло достигнуть своей цѣли — вразумленія заблуждающихся, для этого, по убѣжденію Филарета, оно должно быть проникнуто духомъ терпѣнія и мира, не оскорбляя вразумляемаго даже и однимъ рѣзкимъ словомъ, — должно отличаться доказательностью, такъ какъ осужденія раскола, вообще и на отрѣзъ произносимыя, не могутъ быть для него убѣдительны, — доказательства его должны быть заимствуемы изъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ и мнѣнія обличаемыхъ, и изъяснять послѣднія должно по духу и разумѣнію приѣмлющихъ оныя, дабы напрасно не сражаться съ истуканами, нами же самими воздвигнутыми, — наконецъ, оно должно отвѣчать пониманію простаго народа, среди котораго вращается расколъ и изъ котораго, главнымъ образомъ, самъ состоитъ. Примѣнительно къ такимъ, безусловно цѣлесообразнымъ, требованіямъ и были составлены Филаретомъ его разсматриваемыя «Бесѣды». Отдѣлы этой книги писаны не одновременно и первое изданіе ея вообще было по объему сокращеннѣе послѣдующихъ изданій. Сначала были составлены бесѣды объ имени «Иисусъ», о Символѣ вѣры, о формѣ креста Христова, затѣмъ — о Стоглавомъ соборѣ, о перстосложеніи, о пятипросфоріи и древнихъ рукописяхъ. Главное достоинство бесѣдъ — обиліе доказательствъ изъ древнихъ славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ и любвеобильный ихъ тонъ. Этими качествами бесѣды обратили на себя вниманіе еще въ то время,

когда по частямъ печатались въ «Христіанскомъ Читеніи», и не только православныхъ, но и старообрядцевъ, и потому, по распоряженію Св. Синода, согласно желанію автора, были напечатаны отдѣльнымъ оттискомъ, церковнымъ шрифтомъ. Филаретъ позаботился, чтобы книга получила возможно широкое распространеніе среди раскольниковъ, по крайней мѣрѣ московской епархіи.

Слѣдуя хронологическому порядку, не можемъ обойти молчаніемъ трудъ игумена *Варлаама*. «Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій Іоанна Златоустаго, Василия Великаго и Григорія Богослова, указанныхъ въ «Поморскихъ отвѣтахъ» и «Мечѣ духовномъ». Изданное еще въ 1860 году, оно представляло въ свое время безспорный шагъ впередъ въ смыслѣ научной разработки вопроса о букво-обрядовыхъ особенностяхъ русскаго раскола. Хотя авторъ взялъ въ руководство только два раскольническихъ сочиненія, но причиною этого было то обстоятельство, что въ нихъ представленъ самый полный сводъ и самыхъ разностей въ чинѣ литургій, и раскольническихъ доводовъ по поводу этихъ разностей. Сначала здѣсь разсматриваются доказательства раскольническія, а потомъ приводятся доказательства въ защиту православной церкви. Таковъ методъ автора. Но такъ какъ нѣкоторымъ разностямъ, не смотря на ихъ незначительность, раскольники усвояютъ догматическую важность, то авторъ, кромѣ того, выясняетъ и надлежащій взглядъ на эти разности. Источникомъ при разборѣ раскольническихъ мнѣній для автора служили старописьменные и особенно старопечатныя книги.

Къ разряду сочиненій по обрядовымъ вопросамъ, имѣющихъ своимъ предметомъ извѣстную совокупность послѣднихъ, по всей справедливости нужно отнести два обширныхъ труда покойнаго о. архимандрита Павла, о сочиненіяхъ котораго была рѣчь выше. Разумѣемъ его «Замѣчанія на книгу *Поморскихъ отвѣтовъ*» и «Замѣчанія на книгу *Вопросовъ Никодима*». Первое изъ этихъ сочиненій вышло въ свѣтъ въ 1889 году, второе—ранѣе двумя годами. Причисляемъ эти сочиненія къ настоящему разряду потому, что разсматриваемыя въ нихъ памятники раскольнической литературы трактуютъ о причинахъ отдѣленія раскольниковъ отъ православной церкви, т. е. затрогиваютъ вопросы преимущественно букво-обрядоваго характера, хотя сами раскольники усвояютъ имъ значеніе

вопросовъ догматическихъ. «Поморскіе отвѣты» — памятникъ первой четверти XVIII вѣка, безпоповщинскій по происхожденію и пользуется особеннымъ уваженіемъ именно у безпоповцевъ; «Вопросы Никодима» — памятникъ послѣдней четверти того же XVIII вѣка, по происхожденію поповщинскій и пользуется уваженіемъ собственно у поповцевъ. Впрочемъ, «Поморскими отвѣтами» всегда широко пользовались и поповцы, а въ 1884 году даже напечатали ихъ за границей. Самъ инокъ Никодимъ большую часть своихъ предъявленій противъ церкви въ разсматриваемыхъ «Вопросахъ» заимствовалъ изъ тѣхъ же «Поморскихъ отвѣтовъ». Объясняется это тѣмъ, что послѣдніе представляютъ вообще замѣчательнѣйшее произведеніе раскольнической письменности, какъ по обширности матеріала, такъ и по сведенію его въ цѣлое. Отсюда понятно, почему изъ двухъ разсматриваемыхъ сочиненій о Павла наибольшую обширностію и капитальностію отличаются его «Замѣчанія» именно на «Поморскіе отвѣты». Авторъ оговаривается, что пишетъ свои замѣчанія не для ученыхъ, а только для лицъ не знающихъ наукъ, простыхъ, но безпристрастно ищущихъ истины. Однако нельзя не замѣтить, что результатами ученыхъ розысканій авторъ воспользовался достаточно, а затѣмъ и съ своей стороны, изъ сокровищницы своей начитанности, не мало предложилъ цѣннаго матеріала, которымъ съ успѣхомъ можетъ воспользоваться и ученый изслѣдователь. Главное же достоинство разсматриваемаго труда о Павла заключается въ его главной цѣли. Авторъ постоянно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ одну цѣль — показать, что составители «Поморскихъ отвѣтовъ» не могли, какъ ни силились, обличить церковь въ зараженіи ересями, въ уклоненіи отъ евангельскаго, апостольскаго и святоотеческаго ученія вѣры, а потому не могли оправдать и своего отдѣленія отъ церкви, ибо послѣднее могло бы имѣть оправданіе только въ измѣненіи церковію догматовъ вѣры. Что касается замѣчаній о Павла на книгу Никодима, то они, какъ и замѣчанія его еще на 21-й отвѣтъ безпоповщинскаго сочиненія «Щить вѣры», служатъ вообще дополненіемъ замѣчаній на «Поморскіе отвѣты». Въ частности особенно подробно разсмотрѣны здѣсь раскольническія обвиненія на церковь по поводу рѣзкихъ отзывовъ полемическихъ стараго времени сочиненій противъ раскола о такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ и старыхъ обрядахъ, а также по поводу нѣкоторыхъ взаимныхъ противорѣчій этихъ сочиненій.

б) Переходимъ къ краткой характеристикѣ важнѣйшихъ сочиненій по главнымъ обрядовымъ вопросамъ въ отдѣльности и беремъ при этомъ только нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ.

аа) Въ 1875 году братствомъ св. Петра митрополита былъ изданъ «Опытъ сличенія церковныхъ чинослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ первыми пятью россійскими патріархами». Это—трудъ іеромонаха Никольскаго единобѣрческаго монастыря *Филарета*, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Н. Субботина. Цѣль этого сочиненія объясняется въ названномъ его предисловіи. Вопросъ о такъ называемыхъ старопечатныхъ и новопечатныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ имѣетъ первенствующее мѣсто въ ряду вопросовъ о расколѣ. Извѣстно, эти книги московской печати время первыхъ пяти россійскихъ патріарховъ раскольники признаютъ неповрежденнымъ и неприкосновеннымъ хранилищемъ истиннаго православія, неизмѣнно соблюдавшагося въ церкви русской отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра. При такомъ взглядѣ раскольники неизбѣжно должны признать и дѣйствительно признаютъ, что старопечатныя книги, представляя полнѣйшее единство и согласіе,—въ чинопослѣдованіяхъ, обрядахъ и молитвословіяхъ,—между собою, въ тоже время ни въ чемъ не разнствуютъ и отъ книгъ древлеписьменныхъ, употреблявшихся въ церковно-богослужебной практикѣ еще до открытія въ Москвѣ книгопечатанія. Но правда ли это? Нѣтъ, не правда. Произведенный авторомъ опытъ сличенія старопечатныхъ книгъ, напротивъ, показалъ многочисленныя взаимныя различія и несогласія послѣднихъ. Выводъ отсюда—тотъ, что настояла нужда привести богослужебныя чины и дѣйствія къ единообразію и для этого подвергнуть старопечатныя книги тщательному пересмотру и сличенію съ греческими и славянскими древними списками. Какъ исполнено это при патріархѣ Никонѣ, и насколько, съ другой стороны, отвѣчаютъ древлеписьменнымъ славянскимъ книгамъ книги старопечатныя, это отчасти уясняется и въ разсматриваемомъ «Опытѣ», такъ какъ и здѣсь есть сличенія съ списками славянскими и греческими, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ. Полнѣе же—этотъ вопросъ разрѣшается въ другомъ трудѣ того же автора, изданномъ тѣмъ же братствомъ въ 1876 году: «Чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго по изложенію старо-

печатныхъ, новоисправленнаго и древлеписьменныхъ служебниковъ». Вопросы ученаго характера и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ трудѣ, предоставлены, по выраженію предисловія, людямъ, получившимъ научное образованіе. Въ дополненіе къ вышеупомянутому «Опыту» не получившій научнаго образованія авторъ занимается здѣсь опять простымъ сличеніемъ. Но сличаетъ уже не старопечатные служебники между собою и съ новоисправленнымъ, а и тѣ и другой съ древлеписьменными, отмѣчая ихъ сходство и различіе съ послѣдними, равно какъ различіе древлеписьменныхъ между собою. Оказывается, что при взаимномъ различіи древлеписьменные служебники имѣютъ различія и по сравненію съ старопечатными и новоисправленнымъ, но тамъ, гдѣ и въ чемъ есть сходство, новоисправленный сходится съ болѣе древними списками, а старопечатные—съ болѣе поздними. Значитъ, вышеприведенное мнѣніе раскольниковъ о старопечатныхъ книгахъ несправедливо; отсюда же, кромѣ того, слѣдуетъ, что различія въ богослужебныхъ книгахъ никогда не служили предлогомъ къ церковному расколу, какъ это учинили защитники старопечатныхъ книгъ.

66) Ни одному изъ обрядовыхъ вопросовъ не посчастливилось въ противораскольнической литературѣ такъ, какъ посчастливилось вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія. Рѣдкое сочиненіе, написанное противъ раскола еще въ XVII и XVIII вѣкахъ, не трактовало объ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе подробно. Въ XIX вѣкѣ эта разработка его постепенно доросла и до возможной научной высоты. Здѣсь можно не соглашаться съ общими выводами тѣхъ или другихъ ислѣдованій въ отдѣльности, но нельзя не признать, что всею ихъ совокупностію вопросъ освѣщенъ уже въ достаточной степени. Причину такого вниманія къ вопросу о перстосложеніи со стороны православныхъ писателей понять не трудно. Съ одной стороны двуперстіе всегда было для раскола главнымъ догматомъ вѣры и потому замѣну онаго троеперстіемъ и раскольники всегда считали главною причиною своего отдѣленія отъ церкви. Съ другой, вопросъ о перстосложеніи весьма интересенъ и въ своей исторической постановкѣ. Появленіе разныхъ формъ перстосложенія для крестнаго знаменія и священническаго благословенія восходитъ къ глубокой христіанской древности, но какъ въ раннѣйшей, такъ и въ болѣе поздней исторіи перстосложенія встрѣчаются пробѣлы, какъ вслѣдствіе недостатка исто-

рическихъ свидѣтельствъ, такъ и вслѣдствіе самаго характера тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ эти свидѣтельства содержатся. Вопросъ является въ своемъ родѣ таинственнымъ. Последнее нужно сказать особенно по отношенію къ русскимъ памятникамъ, такъ какъ появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ связанъ съ обстоятельствами взаимной борьбы двухъ формъ перстосложенія, т. е., двуперстія и троеперстія. Критически опредѣлить достоинство такого рода памятниковъ и возстановить на основаніи ихъ исторію перетосложенія—это весьма интересный предметъ и для научныхъ изслѣдованій. Въ ряду такого рода изслѣдованій первое по времени мѣсто можетъ занять напечатанное въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» за 1847 годъ изслѣдованіе преосвященнаго *Филарета*, епископа рижскаго. Оно заслуживаетъ вниманія и какъ первый наиболѣе полный сводъ историческихъ данныхъ, и какъ оригинальная въ свое время теорія. По этой теоріи, двуперстіе явилось позднѣе троеперстія, но не позже, однакоже, начала VI вѣка или даже конца V-го, когда возникшее монофизитство усвоило самую древнюю форму для крестнаго знаменія—единоперстную: въ противовѣсъ монофизитамъ православные стали употреблять двуперстіе, хотя тамъ, гдѣ монофизитство было слабо или же вовсе не занимало умы, православные продолжали употреблять троеперстіе. «Въ древней русской церкви для знаменья крестнаго слагали три первые перста, хотя могло быть и то, что кто-нибудь изъ іерусалимскихъ паломниковъ приносили въ Россію обыкновеніе сирскихъ христіанъ, т. е. двуперстіе». Затѣмъ, солидною научною постановкою отличается статья *Макарія*, архіепископа литовскаго, впослѣдствіи московскаго митрополита, помѣщенная въ «Братскомъ Словѣ» за 1875 годъ. Древнѣйшимъ и общепринятымъ обычаемъ на Руси, по мнѣнію этого автора, было троеперстіе для крестнаго знаменія и именословіе для священническаго благословенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаетъ, что въ числѣ перстосложеній, употреблявшихся въ православной церкви въ теченіи первыхъ XV-ти вѣковъ, какъ русской, такъ и греческой, собственно для благословенія находилось и то, или весьма близкое къ тому, котораго держится расколъ и которое впервые было узаконено на Стоглавомъ соборѣ. Далѣе, весьма основательный критическій обзоръ свидѣтельствъ относительно перстосложенія собственно въ московской Руси данъ въ томъ же «Братскомъ

Словѣ» за 1888 годъ въ статьѣ проф. *Н. Субботина*. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, авторъ доказываетъ, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка двуперстіе не было обычаемъ общеупотребительнымъ, что, напротивъ, на ряду съ нимъ употреблялось и троеперстіе и послѣднее было распространенное, какъ существовавшее въ русской церкви по преданію издревле. Наконецъ, послѣднее по времени научное разсмотрѣніе исторіи перстосложенія представляетъ статья проф. *Е. Голубинскаго*, помѣщенная въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ. Главнѣйшія положенія автора гласятъ слѣдующее. Двуперстіе вошло въ употребленіе у грековъ въ продолженіе приблизительно одного столѣтія — съ начала VIII и по начало IX вѣка — и замѣнило собою первоначальное одноперстіе; затѣмъ въ продолженіе столѣтія же, обнимающаго послѣднюю четверть XII и три первыя четверти XIII вѣка, вмѣсто двуперстія у грековъ вошло въ употребленіе троеперстіе; русскіе приняли отъ грековъ при св. князѣ Владимірѣ содержавшееся тогда послѣдними двуперстіе; впоследствии на Русь проникло изъ Греціи и троеперстіе, но здѣсь оно не побѣдило двуперстія, какъ это было въ Греціи, а само было побѣждено послѣднимъ, когда, съ XV вѣка, вступило съ нимъ въ борьбу. Оставляя безъ упоминанія болѣе или менѣе крупныя и болѣе или менѣе цѣнныя труды другихъ изслѣдователей по исторической разработкѣ вопроса о перстосложеніи, изложимъ вкратцѣ болѣе прочно обоснованные общіе выводы относительно послѣдняго. Мнѣніе раскольниковъ, что двуперстіе ведетъ начало отъ Христа Спасителя, не оправдывается ни изъ ссылкой на 114 зачалъ евангелія отъ Луки, гдѣ повѣствуется о благословеніи Спасителемъ своихъ учениковъ при вознесеніи Его на небо, ни указаніемъ на икону Божіей Матери, именуемую Тихвинскою; Спаситель благословилъ учениковъ конечно по обычаю вѣтхозавѣтному и нужно думать какъ благословляли именно ветхозавѣтные священники, которые воздвигали надъ благословляемыми руки безъ всякаго сложенія перстовъ; перстосложеніе же на Тихвинской иконѣ не имѣетъ точнаго сходства съ тѣмъ двуперстнымъ сложеніемъ, какое употребляется старообрядцами, да и нѣтъ никакого достовѣрнаго извѣстія, что бы икона эта была написана евангелистомъ Лукою, которому приписываютъ ее старообрядцы, и значить въ ней нельзя видѣть свидѣтельство о томъ, какъ слагалъ персты воз-

носившійся на небо Христось. Несправедливо и другое мнѣніе раскольниковъ—о происхожденіи троеперстія отъ папы Формоза еретика, которому папа Стефанъ будто бы за это отрубилъ персты, извлеки Формоза изъ могилы; Формозъ, если и употреблялъ троеперстіе, то, вѣроятнѣе всего, отличное отъ нынѣшняго православнаго, и во всякомъ случаѣ не былъ изобрѣтателемъ его, равно и не соединялъ съ нимъ какихъ либо еретическихъ мыслей, и затѣмъ, хотя по смерти Формоза у него дѣйствительно были отрублены персты,—можетъ быть три, какъ говорятъ одни лѣтописцы, а можетъ быть два, какъ утверждаютъ другіе,—но отрублены не за то, что онъ употреблялъ не тѣ персты, напримѣръ,—для благословенія, а за незаконное похищеніе имъ права благословлять. Относительно церкви греко-восточной памятники съ IV и до VII вѣка включительно свидѣтельствуютъ, что православные, не исключая церкви константинопольской, начертывали на себѣ крестъ преимущественно однимъ перстомъ, по мѣстамъ же употреблялось и нѣсколькперстіе, подъ которымъ, вѣроятнѣе всего, нужно разумѣть троеперстіе; между тѣмъ вошло въ употребленіе двуперстіе, надо думать—ранѣе IX вѣка; въ IX вѣкѣ двуперстіе несомнѣнно употреблялось несторіанами и православными въ Сиріи и Палестинѣ, а въ XII вѣкѣ православными, быть можетъ, и въ Константинополѣ и, вѣроятнѣе всего, на ряду съ троеперстіемъ, которое въ концѣ XIII вѣка является здѣсь уже исключительнымъ обычаемъ. Какое перстосложеніе принято русскими отъ грековъ при св. Владимірѣ, неизвѣстно; ссылка раскольниковъ на иконы не можетъ имѣть силы уже по тому одному, что перстосложенныя руки на иконахъ по своему происхожденію и первоначальному значенію не суть руки лицъ благословляющихъ, или молящихся, а только—проповѣдующихъ, благовѣствующихъ. Достоверныя извѣстія о перстосложеніи въ русской церкви относятся приблизительно уже только къ началу XV вѣка. Фактъ состоитъ въ томъ, что троеперстіе и двуперстіе вступаютъ въ это время во взаимную между собою борьбу. Во второй половинѣ XV вѣка эта борьба усиливается и въ 1551 году кончается тѣмъ, что Стоглавый соборъ узаконяетъ двуперстіе. Съ тѣхъ поръ, до второй половины XVII вѣка, власть церковная продолжаетъ настаивать на двуперстіи и стремится провести послѣднее въ народъ; но въ народѣ двуперстіе прививается не особенно успѣшно

и не можетъ вытѣснить троеперстіе, какъ обычай, очевидно, болѣе древній, укоренившійся на вѣковыхъ преданіяхъ. Это относится собственно къ московской Руси; но точно такъ же было и въ Руси кievской, т. е. и тамъ, если брать приблизительно тотъ же періодъ времени, въ народѣ держалось опять троеперстіе. Перстосложеніе для священническаго благословенія также имѣетъ свою исторію. Теперь какъ въ Россіи, такъ и въ Греціи употребляется такъ называемое именованное перстосложеніе; но эта форма выродилась изъ перстосложенія крестовиднаго, которое, въ свою очередь, явилось приблизительно лишь въ началѣ VII вѣка; это превращеніе перстосложенія крестовиднаго въ именованное произошло въ греческой церкви не позднѣе первой половины XV вѣка. При принятіи христіанства русскіе приняли отъ грековъ перстосложеніе крестовидное; впоследствии могло быть занесено сюда и именованное перстосложеніе; во всякомъ случаѣ въ первой половинѣ XV вѣка въ русской церкви еще употреблялось два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, другое для крестнаго знаменія, и только уже Стоглавый соборъ сталъ настаивать на перстосложеніи однообразномъ для того и другого изъ этихъ дѣйствій.

вв) Какъ извѣстно, раскольники придаютъ весьма важное значеніе еще спорамъ о пѣсни «аллилуія». Тогда какъ въ православной церкви употребляется такъ называемое *трегубое* аллилуія, т. е. слово аллилуія произносится трижды, раскольники употребляютъ аллилуія *сугубое*, т. е. повторяютъ это слово только дважды, называя *трегубое* аллилуія ересію. Въ полемической литературѣ этотъ вопросъ разработанъ весьма удовлетворительно. Такъ, имѣется брошюра проф. *Е. Малова* «Объ аллилуія», представляющая отискъ изъ «Православнаго Собесѣдника» за 1891 годъ. Въ этомъ очеркѣ авторъ указываетъ составъ еврейскаго слова «аллилуія» и его буквальное значеніе, перечисляетъ разные историческіе примѣры неправильнаго перевода или пониманія этого слова, и наконецъ выясняетъ смыслъ употребленія «аллилуія» въ еврейскихъ молитвословіяхъ и христіанскомъ богослуженіи. Историческій обзоръ свидѣтельствъ объ употребленіи троенія и двоенія «аллилуія» въ греческой церкви данъ въ статьѣ проф. *Е. Голубинскаго* «О пѣсни аллилуія» въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ. Нѣкоторые подобнаго же рода греческіе памятники указаны также въ статьѣ проф. *И.*

Нильскаго «Къ исторіи споровъ объ аллилуіа», помѣщенной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1884 годъ. Исторія споровъ объ аллилуіа у насъ на Руси, происходившихъ еще въ XV вѣкѣ, впервые подробно была изложена въ статьѣ проф. *В. Ключевскаго* «Псковскіе споры», напечатанной въ «Православномъ Обзорѣніи» за 1872 годъ. «Аллилуіа» значитъ: *хвалите Бога*. У евреевъ оно служило знакомъ для пѣвцовъ, когда имъ нужно было начинать славословіе. Троеніе и двоеніе «аллилуіа» въ христіанскомъ богослуженіи—греческаго происхожденія и древняго. Древнѣйшія извѣстныя доселѣ свидѣтельства, относящіяся къ концу V—половинѣ IX вѣковъ, говорятъ о *троеніи*. Начиная съ первой половины IX вѣка имѣется рядъ свидѣтельствъ объ употребленіи у грековъ вмѣстѣ съ троеніемъ *двоенія* «аллилуіа», причемъ бывало и такъ, что троеніе было преобладающимъ обычаемъ въ однихъ мѣстахъ, а двоеніе—въ другихъ. Въ Россіи споры объ аллилуіа начались, какъ было уже сказано, въ XV вѣкѣ, но даже и послѣ Стоглаваго собора, который узаконилъ двоеніе, въ русской богослужебной практикѣ, какъ свидѣлствуютъ книги того времени, на ряду съ двоеніемъ употреблялось и троеніе.

4. Въ полемикѣ противъ раскола особое мѣсто занимаетъ вопросъ о смыслѣ клятвы собора 1667 года, рѣшенію котораго принадлежитъ окончательное осужденіе раскола. Раскольники утверждаютъ, что они потому отдѣляются отъ греко-россійской церкви, что соборомъ 1667 года положена клятва, по ихъ мнѣнію, на прежніе существовавшіе въ русской церкви обряды и книги; этою клятвою поругана вся русская древняя церковь и просіявшіе въ оной святыя чудотворцы; чрезъ это греко-россійская церковь лишилась благодати, а учредивъ единовѣріе, стала, кромѣ того, въ противорѣчіе и съ соборомъ 1667 года. Еще первые расколо-учители выражались, что если соборъ 1667 года положилъ клятву на нихъ, защитниковъ старыхъ книгъ и обрядовъ, то клятва эта простирается и на всѣхъ русскихъ святыхъ, благоугодившихъ Богу по этимъ книгамъ и этими обрядами. Впослѣдствіи сюда было присоединено обвиненіе на церковь по поводу единовѣрія, и послѣ того какъ въ 1853 году въ V-мъ томѣ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ» были напечатаны дѣянія собора 1667 года, раскольники съ особеннымъ усердіемъ стали останавливаться на перетолкованіи опредѣленій

этого собора вообще и его клятвъ въ частности. Происшедшія въ 70-хъ годахъ въ С.-Петербургскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія пренія о такъ называемыхъ нуждахъ единовѣрія еще болѣе направили умы раскольниковъ къ этому вопросу и оживили его. Принимавшій участіе въ преніяхъ покойный государственный контролеръ Т. И. Филипповъ высказалъ тогда взглядъ на клятву собора 1667 года близко подходящій къ раскольническому взгляду. По его мнѣнію, клятва положена хотя и не на самые обряды и книги именуемыя старыя, но она имѣетъ въ виду безусловно самое содержаніе этихъ обрядовъ и книгъ и простирается на всякаго, кто, вопреки требованію собора 1667 года, не желаетъ принять *новыя* книгъ и обрядовъ, хотя бы при этомъ во всемъ прочемъ онъ былъ покоренъ церкви и желалъ бы пребывать въ ея общеніи. Выводъ изъ этого взгляда по отношенію къ единовѣрію долженъ быть, конечно, тотъ же самый, что и выводъ изъ взгляда раскольниковъ, т. е. что клятва собора непремѣнно лежитъ на единовѣрцахъ. Высшая церковная власть изъясняетъ данный предметъ въ томъ смыслѣ, что соборъ 1667 года произнесъ отлученіе и клятву на всѣхъ, кто послѣ его опредѣленія сталъ бы считать новоисправленныя книги, чины и обряды неправоисправленными, поврежденными, еретическими, и церковь, за употребленіе оныхъ, рѣшилъ бы обносить тяжкими хулами и прервать съ нею общеніе, считая единственно правильными книги и обряды такъ называемые старыя,—что такихъ лицъ, употребляющихъ старыя книги и обряды въ знакъ своего противленія церкви, церковь различала и различаетъ отъ самыхъ обрядовъ, которые не признавала и не признаетъ подлежащими безусловному воспрещенію. Опыты обоснованія этого взгляда даны въ брошюрѣ проф. И. Нильскаго «О клятвахъ московскаго собора 1667 года» (1873 г.) и въ предисловіи къ новому изданію «Дѣяній московскихъ соборовъ 1666—1667 годовъ», составленномъ проф. Н. Субботинымъ (1881 г.).

Какъ ни успѣшно противораскольническая полемика шла впередъ, раздавались однако-же голоса и противъ нея. И говорили въ данномъ случаѣ не о недостаткахъ полемики, къ устраненію которыхъ всегда должно стремиться, а о самой цѣлесообразности ея, каковая будто бы совсѣмъ не оправдывается вѣковыми опытами. Но противъ этого достаточно указать на самихъ раскольниковъ. Въ исторіи раскола не было

такого періода, когда тамъ не вѣрили бы въ мощную силу полемики. Отсюда — обиліе полемическихъ раскольническихъ сочиненій, старыхъ, болѣе позднихъ и новѣйшихъ. Православная же полемика противъ раскола въ старое и болѣе позднее время была бѣдна даже со стороны количества отдѣльныхъ сочиненій, качественно же и по содержанію еще болѣе не отвѣчала тѣмъ требованіямъ, какія предъявлялись ей въ раскольнической полемикѣ. Отсюда — неуспѣхъ ея въ борьбѣ съ послѣдней. Сама же по себѣ полемика представляетъ надежнѣйшее изъ всѣхъ средствъ для вразумленія заблуждающихся. Въ наше время, когда полемика противъ раскола получила болѣе или менѣе прочную внутреннюю постановку и достигла сравнительно широкихъ размѣровъ по числу сочиненій, расколъ чувствуетъ себя застигнутымъ, по его выраженію какъ-бы «свирѣпой бурей», которая, если не спѣшить на борьбу съ ней, легко можетъ потопить «корабль» раскольническаго общества. И нужно отдать раскольническимъ апологетамъ полную справедливость, — хорошо понимая значеніе книгъ для защиты раскола, они плодятъ ихъ съ величайшимъ стараніемъ ¹⁾...

П. Смирновъ.

¹⁾ Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки